

7. Глобальный хаос

НЕМЕЦКИЕ РЕПАРАЦИИ

Ленин был абсолютно прав. Нет более тонкого и верного способа переворота существующих основ общества, чем ослабить и разложить его валюту.

Джон Мейнард Кейнс.
Экономические последствия мира

11 ноября 1918 г. Первая мировая война закончилась так же неожиданно, как и началась. В июне 1918 г. армия Германии прорвала оборонительные рубежи союзников и оказалась в 50 милях от Парижа. Немецкий народ, получая от своего правительства искаженную информацию о происходящем, с нетерпением ожидал победы. Однако месяц спустя союзники перешли в контрнаступление, и внезапно военная машина Германии начала разваливаться на части. Немецкие военные силы, изнуренные последним наступлением, выдохлись; энтузиазм гражданского населения угас, и народ окончательно упал духом. Началось массовое дезертирство; моряки императорского флота подняли восстание в Киле, блокировав военно-морские силы страны, а союзники Германии втайне просили о мире. В октябре высшие военные чины, отчаянно пытаясь спасти ситуацию, заявили о необходимости сформировать новое правительство. 9 ноября кайзер Вильгельм II был вынужден бежать в Нидерланды. Рано утром 11 ноября в железнодорожном вагоне в лесу под Компьеном, в 40 милях от Парижа, было подписано соглашение о прекращении военных действий.

За время войны в Европе погибло около 11 млн человек, в том числе 2 млн немцев, 1,4 млн французов и 900 000 англичан. Количество раненых составляло 21 млн, многие из них остались калеками на всю жизнь. 9 млн мирных жителей умерли от голода, холода и эпидемий. Хотя война превратилась в настоящую кровавую бойню, зона серьезных разрушений ограничивалась длинной, но узкой полосой на территории северной

Франции и Бельгии. Затраты на восстановление заводов, шахт и фермерских хозяйств, разрушенных на западном фронте, составили всего лишь 7 млрд долларов.

Война нанесла ущерб большинству европейских экономик — в Германии и Франции производство сократилось на 30%, в Великобритании менее чем на 5%, — фронт пожирал людей и капитал, заводы переключились на производство оружия, а скот был забит. Соединенным Штатам война пошла на пользу. Они вступили в нее поздно и понесли значительно меньше потерь, а рост экспорта продовольствия, сырья и боеприпасов привел к небывалому расцвету экономики. До войны ВВП США составлял 40 млрд долларов и был примерно равен совокупному ВВП Великобритании, Франции и Германии. К 1919 г. он вырос более чем на 50%.

Самым губительным и коварным последствием войны для экономики были огромные долги европейских стран. За четыре года непрерывных ожесточенных боев правительства Европы истратили на взаимное уничтожение около 200 млрд долларов, что съедало почти половину ВВП этих стран. Чтобы покрыть расходы, они поднимали налоги, брали гигантские суммы займы как у собственных граждан, так и у американцев и печатали все больше и больше денег. К концу войны Европа захлебывалась бумажными деньгами — в Великобритании денежная масса удвоилась, во Франции утроилась, а в Германии выросла в четыре раза. Хотя в США количество денег в обращении тоже увеличилось в два раза, причиной этого было не печатание денег для покрытия военных расходов, как в Европе, а колоссальный приток золота. Это определило тенденции следующего десятилетия: Европа, сгибаясь под бременем долгов, боролась с последствиями прошлого, а Соединенные Штаты пребывали в смятении от избытка даров, которыми осыпала их счастливая судьба.

В тот день, когда кайзер бежал из Германии, Шахт был в Берлине. В то утро, хотя кайзер не отрекся от престола — официально он сделает это лишь две недели спустя, найдя прибежище в Голландии, — рейхсканцлер принц Макс Баденский, дальний родственник кайзера, поспешил заявить, что император низложен. С заграждениями из колючей проволоки и перевернутыми автомобилями, преграждавшими улицы, город наполнил военный лагерь. В воздухе веяло революцией. Была объявлена всеобщая забастовка, и тысячи рабочих и солдат прошли маршем через центр города, требуя учреждения республики.

Выйдя из отеля Esplanade близ Потсдаммерплац около полудня, Шахт увидел на площади грузовик с революционными солдатами. На железнодорожной станции заняла позицию пулеметная рота. Судя по всему, никто не отвечал за происходящее. Чтобы выяснить, что происходит, и не позволить толпе увлечь себя, Шахт и его спутник направились на север к зданию рейхстага и обнаружили, что оно опустело. Незадолго

до этого Филипп Шейдеманн, лидер социал-демократов, подтолкнул историю, выйдя на балкон и объявив собравшейся внизу толпе о создании республики, хотя рейхстаг не принимал такого решения. Так родилась немецкая Республика. Толпы людей ринулись к обезлюдевшей резиденции императора, берлинскому городскому дворцу.

Позднее Шахт заметит, что в неразберихе того драматического дня присутствовал чисто немецкий порядок. Хотя правящая династия пала и вся политическая система Германии была перевернута вверх дном, простые люди погрузились в повседневные заботы, стараясь не обращать внимания на демонстрации. По улицам шли трамваи, перебоев с подачей воды, газа и электричества не наблюдалось, пострадавших было крайне мало — количество жертв тот день не превысило 15 человек. Даже когда рядом с дворцом начали раздаваться выстрелы, убегаящая толпа оставалась столь законопослушной, что старалась не вытаптывать траву на газонах.

По всей стране создавались советы рабочих и солдат, которые брали власть в свои руки. 10 ноября Шахта, к его глубочайшему изумлению, избрали в местный совет. Впрочем, деятельность этого органа ограничилась выпуском прокламации, приветствующей революцию, и одним-единственным заседанием.

Следующие несколько дней были отмечены массовыми беспорядками. Хотя ноябрьская революция по большей части была довольно мирной, первые недели января были ознаменованы вспышками насилия, в Берлине начались забастовки, демонстрации и жестокие стычки между армией и мятежными членами «Союза Спартака». В то время Шахту, как и многим другим, казалось, что Германия оказалась на переднем крае борьбы с большевизмом, которая развернулась по всей Европе. Идя домой по потемневшим городским улицам, он слышал пулеметные очереди. Как-то раз Шахт не мог выйти из отеля Kaiserhof, поскольку снаружи группа спартакистов завязала бой со сторонниками правительства. В толпе разорвалась ручная граната, и все бросились врассыпную, а один человек остался лежать среди улицы. «Судьба Германии висела на волоске», — вспоминал Шахт много лет спустя.

Однако для одаренных представителей среднего класса вроде Шахта это была пора огромных возможностей. Падение империи и поражение армии пошатнули прежний порядок. В течение 48 часов после бегства кайзера в Германии отреклись от власти 25 династий. Юнкерство, которое правило страной, продемонстрировало свою несостоятельность, и его власти пришел конец.

Поначалу Шахт думал попробовать себя в политике. До войны он был членом национал-либеральной фракции Ассоциации молодых либералов, националистической, но не слишком либеральной партии, которая вос-

торженно поддерживала экспансионистскую политику кайзера. В 1901 г. эта партия даже предложила ему баллотироваться на выборах в рейхстаг, но он отказался, понимая, что власть в империи по-прежнему принадлежит родовой знати, в первую очередь прусскому дворянству, и что с его происхождением вряд ли удастся сделать политическую карьеру. Но теперь, когда президентом стал бывший шорник, а рейхсканцлером бывший журналист, казалось, что былая кастовая система распалась.

10 ноября, когда республике исполнился всего день, Шахт был приглашен на совещание, где его попросили оказать содействие формированию Немецкой демократической партии (НДП), новой умеренной партии, которая должна была противостоять социализму слева и национализму справа. НДП на непродолжительное время добьется очень неплохих результатов, став партией ученых, журналистов и предпринимателей, многие из которых были еврейского происхождения, и привлечет в свои ряды таких выдающихся личностей, как Макс Вебер и Альберт Эйнштейн. На выборах 1919 г. она заняла третье место в рейхстаге после социалистов и католического центра.

Но мимолетный флирт Шахта с политиками демократического толка был не слишком успешным. Его финансовые и деловые связи сыграли важную роль — он мобилизовал средства для НДП и помог разработать платформу партии. Но не умевший общаться с простыми людьми, слишком высокомерный, чтобы завязать необходимые личные контакты, Шахт был не в состоянии убедить электорат избрать его на ту или иную должность. Кроме того, партийные лидеры, и в первую очередь признанный авторитет Теодор Вульф, редактор газеты *Berliner Tageblatt*, относились к нему с подозрением, считая его очередным оппортунистом, который хочет проехаться за счет демократии, не будучи подлинным приверженцем молодой республики.

Сам Шахт все больше разочаровывался в партии и официально порвал с ней в 1925 г., когда она проголосовала за отмену ассигнований на содержание низложенных правящих семей. В конце 1920-х гг. НДП, подобно прочим центристским партиям Германии, была оттеснена на второй план иными, главным образом правыми политическими силами. Однако к этому моменту Шахт занялся более серьезными делами.

В том, что он не смог добиться успеха в предвыборной борьбе, не было ничего удивительного. Он был слишком жестким и не умел нравиться. Люди считали его холодным, бесчувственным и чересчур расчетливым. По его собственному признанию, он казался «суровым... бессердечным... и замкнутым». Отчасти в этом была виновата его наружность. Один из его знакомых заметил: «Внешне он представлял собой нечто среднее между прусским офицером запаса и начинающим прусским судьей, который лезет из кожи вон, чтобы походить на офицера». Отличительные

черты его внешнего облика — стрижка ежиком, прямая, негнушная спина, военная выправка, надменная манера держаться, неизменно хмурый вид — сделали его излюбленной мишенью карикатуристов, когда он приобрел известность¹. Но в первую очередь людей отталкивали особенности его характера — чрезвычайно тщеславный, он обожал рассказывать о себе и своих достижениях, отличался упрямством, был остер на язык и язвителен.

Он был невероятно самоуверен, и в этой самоуверенности не было ничего напускного — она отражала его поразительное ощущение внутреннего превосходства. Во многих отношениях Шахт был типичным выходцем из нижних слоев среднего класса, достигшим большего, чем можно было рассчитывать. Он вырос бедняком в обществе, где определяющую роль играли классовая принадлежность и происхождение, и на горьком опыте усвоил, что во враждебном мире полагаться можно только на себя. Любыми успехами он был обязан лишь самому себе — своим непревзойденным умственными способностями и колоссальному трудолюбию. «Похоже, для него нет ничего святого, кроме веры в себя, и она столь непомерна, что ее трудно воспринимать как просто причуду. Его высказывания пронизаны таким безграничным самомнением, что собеседник не воспринимает их как обычное бахвальство», — писал один из его современников. При этом в отличие от тех, кто стремится завоевать расположение окружающих, маскируя свой цинизм внешним обаянием и приятными манерами, он не обнаруживал особого желания нравиться. Много позднее, когда он уже показал свое истинное лицо, один политик напишет: «Это был человек, который держался особняком, странный, одинокий, не имеющий ни последователей, ни сторонников. У него не было друзей, одни лишь враги». Но никто не сомневался в его требовательности к себе, энергии и упорном стремлении двигаться вперед.

Вопрос о немецких репарациях, а именно о том, какую часть военных расходов Германия должна возместить победителям, в первую очередь Франции и Великобритании, — не давал покоя Европе на протяжении следующих 20 лет. Хотя война окончилась, конфликты не прекращались. На Парижской мирной конференции, которая открылась в январе 1919 г., ни один вопрос не «порождал больше тревог, споров, обид и проволок», вспоминал Томас Ламонт, участник переговоров с американской стороны.

Все, кто прибыл в Париж, ожидали, что Франция, которая понесла самые большие потери в живой силе и была вынуждена ликвидировать

¹ Внимание карикатуристов казалось ему столь лестным, что в 1937 г. он опубликовал за свой счет сборник карикатур, приурочив это к празднованию своего 60-летия.

последствия сражений на своей территории, будет самым горячим сторонником взыскания репараций с Германии. Однако на деле такую позицию заняла Великобритания. Сильная либеральная группировка в министерстве финансов Великобритании планировала заключить мирный договор на посылных для Германии условиях. Однако перед мирной конференцией консервативные газеты *Times* и *Daily Mail* организовали ура-патриотическую кампанию в прессе, требуя, чтобы условия договора были как можно более жесткими, а выдвинутый во время предвыборной кампании в декабре 1918 г. лозунг о том, что союзники должны «выжать из Германии все до последнего цента»¹, пришелся по душе избирателям.

В угоду общественному мнению премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж включил в британскую делегацию, которой предстояло участвовать в работе комиссии по репарациям в Париже, трех наиболее непреклонных сторонников жесткой линии при заключении мирного договора: упрямого и грубого премьер-министра Австралии Уильяма Хьюза, известного своим жестокосердием лорда-судью Самнера и резкого и вспыльчивого лорда Канлиффа, бывшего управляющего банком Англии.

Предполагалось, что Канлифф станет для этого трио экспертом по финансовым вопросам. Однако, хотя он был преуспевающим банкиром и даже управляющим Банком Англии, Канлифф не знал и основ экономики. За несколько недель до Парижской конференции, он порекомендовал потребовать от Германии выплаты репараций на сумму 100 млрд долларов. Это было обескураживающее предложение. ВВП Германии до войны составлял около 12 млрд долларов в год. Обременить ее долгами на сумму, в десять раз превышающую размер ее годового дохода, было верхом безумия. Только на выплату процентов по такому долгу ушло бы 40% ВВП. Хотя Канлифф признался, что цифры для расчетов были «в некотором смысле взяты с потолка», поскольку ему пришлось заниматься этим вопросом в уик-энд, он заявил, что, вероятно, недооценивает платежеспособность Германии и, если кто-нибудь докажет ему, что той под силу уплатить 200 млрд долларов, он «не станет отрицать такую возможность».

Желание Франции получить репарации проистекало из ее ощущения собственной уязвимости. За последние 50 лет она дважды подвергалась нападению со стороны Германии, и теперь как огня боялась возрождения своего противника. Германия была агрессивнее, успешнее, моложе, богаче и динамичнее. Кроме того, она превосходила Францию по чис-

¹ Эта фраза была сказана сэром Эриком Геддесом, первым лордом адмиралтейства, который 9 декабря, выступая в Кембридже во время предвыборной кампании, заявил: «Германия выплатит реституцию, репарации и контрибуцию, и мы получим от нее все, что можно выжать из лимона, и еще немного».

ленности населения — 60 млн немцев против 40 млн французов. Хотя премьер-министр Франции Жорж Клемансо никогда не произносил приписываемой ему немецкой пропагандой фразы о том, что 20 млн жителей Германии, безусловно, являются лишними, подобная мысль наверняка приходила ему в голову. Поэтому Франция была готова на все, чтобы ослабить Германию — разоружить ее, отхватить как можно больший кусок территории своего соседа или потребовать выплаты репараций.

Во время переговоров в Париже стало ясно, что для французов основным вопросом были не деньги, а безопасность. Когда министр финансов Франции Люсьен Клотц стал настаивать на крупных репарациях, Клемансо, глава французской делегации, презрительно сказал ему, что он «единственный еврей, который ничего не смыслит в деньгах», и в процессе переговоров проигнорировал его и всех остальных членов французского кабинета¹. Клемансо использовал вопрос о репарациях как козырь, в обмен на который он хотел получить от американцев гарантии безопасности на франко-германской границе. Лишь когда оказалось, что этих гарантий недостаточно, он вновь стал требовать огромных репараций.

Американская делегация выступала за смягчение условий урегулирования. В ее состав входили известный биржевой делец Бернард Барух, Томас Ламонт из J. P. Morgan and Co. и молодой консультант Джон Фостер Даллес. Они заявили, что слишком большие суммы репараций несовместимы с изначальными условиями соглашения о перемирии, подписав которое Германия сложила оружие. Более того, они утверждали, что крупные репарации станут камнем на шее не только для Германии, но и для всей Европы.

Переговоры о репарациях продолжались десять недель. К концу марта пути решения вопроса так и не были намечены. Британская делегация под предводительством неразлучных лорда Канлиффа и лорда Самнера — к тому времени их прозвали «божественными близнецами», — настаивала на чудовищных суммах, требуя, чтобы выплаты составляли не менее 55 млрд долларов.

Американцы считали, что сумма выплат должна составлять 10–12 млрд долларов и не может превышать 24 млрд. Хотя по многим вопросам европейским лидерам удалось перехитрить президента Вильсона, по этому пункту американская делегация твердо стояла на своем.

Было предпринято несколько попыток сдвинуться с мертвой точки. Сам Ллойд Джордж применил все свое политическое мастерство, но Канлифф и Самнер не сдавались. Ллойд Джордж придерживался правила: «Ни на войне, ни в политике не идти в лобовую атаку, чреватую боль-

¹ В июле 1929 г. Клотца посадили в тюрьму за использование необеспеченных чеков, где он год спустя и умер.

шими потерями, если есть окольный путь». Включая Канлиффа и Самнера в состав делегации, он рассчитывал, что собьет их с толку и заставит одобрить соглашение на более мягких условиях. Теперь Ллойд Джордж не мог сломить их сопротивление. Он решил попытаться обвести их вокруг пальца и в последнюю минуту предложил отложить окончательное решение вопроса о размере репараций на более позднюю дату. По его мнению, конференция должна была создать специальный орган для рассмотрения этого вопроса и поручить ему разработать соответствующие рекомендации к 31 мая 1921 г. Он надеялся, что к тому времени страсти улягутся, политический климат в Великобритании изменится и можно будет уладить дело на более разумных условиях.

В первые месяцы 1919 г., когда мирная конференция начала свою работу, Шахт, подобно множеству других немцев, успокоенный благодушными рассуждениями Вудро Вильсона, надеялся, что бывшие противники Германии проявят великодушие при заключении мирного договора. Он был убежден, что самой острой проблемой после войны будет избыток долгов, который может разорить всю Европу, и наивно рассуждал о великом плане реконструкции. Россия откроет свои неисчерпаемые природные ресурсы для использования уникальным союзом Великобритании и Германии: Великобритания обеспечит руководство и капитал, Германия — рабочую силу и техническое мастерство.

В мае 1919 г., когда Германию наконец уведомили об условиях мирного договора, страна взорвалась от потрясения и гнева. Она должна была лишиться одной восьмой своей территории. Эльзас и Лотарингия возвращались Франции, ей же передавались угольные шахты Саара. В северном Шлезвиге предстояло провести плебисцит, чтобы выяснить, желает ли его население присоединиться к Дании. Верхняя Силезия, Познань и Западная Пруссия отходили к Польше. Германская часть левого и правого берегов Рейна подлежала демилитаризации. Вооруженные силы Германии ограничивались сухопутной армией численностью 100 000 человек. Военно-морской флот расформировывался, а торговый флот передавался союзникам. Хотя решение вопроса о размере репараций было отложено, речь шла об огромных суммах. Предварительно от Германии потребовали выплатить 5 млрд долларов до 1 мая 1921 г. Новая комиссия по репарациям, которая заседала в Париже, была создана специально для того, чтобы определить денежные обязательства Германии и следить за их выполнением. Но самой унижительной была статья 231, «статья позора», которая заклеила Германию как единственного виновника войны.

Германия отреагировала на мирный договор настоящим всплеском истерии. Все развлекательные мероприятия отменили на неделю в знак протеста. Флаги по всей стране были приспущены до половины древка. Рейхсканцлер Филипп Шейдеманн охарактеризовал условия договора

как «невыносимые, невыполнимые и неприемлемые» и заявил, что он превращает немцев «в невольников... которые работают из-под палки за колючей проволокой или за тюремной решеткой». Германии дали пятидневный срок, по истечении которого она должна была либо согласиться на предложенные условия, либо возобновить военные действия. Шейдеманн предпочел уйти в отставку, отказавшись поставить свою подпись на документе, о котором сказал: «Пусть отсохнет рука, которая наложит на себя и на нас эти оковы». День, когда Германия приняла предложенные условия, протестантские церкви страны объявили днем национального траура.

Несмотря на противоречия, которые раздирали Германию на протяжении следующих лет, все сословия и политические партии — демократов и роялистов, либералов и социалистов, католиков и протестантов, северян и южан, жителей Пруссии, Баварии, Саксонии и Гессена — роднило одно: они были убеждены в вопиющей несправедливости мирного договора, который в стране называли «Версальский диктат». По условиям договора к Германии применялся целый ряд санкций — разоружение, разделение на части, оккупация и репарации, но именно вопрос о репарациях станет своего рода навязчивой идеей, которая будет определять внешнюю политику Германии в дальнейшем. Германия безропотно согласилась сократить армию, сохранив лишь тень своей былой мощи, и поэтому не могла воспротивиться потере территории или своих колоний. Она могла оказать сопротивление лишь в отношении репараций. Германия поняла то, что в какой-то момент осознает любой должник: если ты должен кому-то крупную сумму, пригрозив не вернуть долг, ты можешь стать хозяином положения.

Шахт впервые столкнулся с проблемой репараций осенью 1919 г. Его попросили присоединиться к группе промышленников и предпринимателей, посланных в Гаагу на переговоры с комиссией союзников о поставках в неденежной форме в рамках временного урегулирования. На немецкую делегацию обрушилась лавина мелких унижений: представители Германии были вынуждены остановиться в худшем отеле, им давали скверную еду, их перемещения были ограничены, и за ними была установлена открытая слежка. Во время переговоров им не дали стульев и потребовали, чтобы они стояли. Когда Шахт выразил недовольство, ему сказали: «Похоже, вы забыли, что ваша страна проиграла войну». Так Шахт впервые столкнулся с тем, что он назовет «средневековым чванством» победителей.

По иронии судьбы, наиболее гневно на репарации обрушился не немец, а англичанин. В ноябре 1919 г. Джон Мейнард Кейнс, молодой преподаватель Кембриджа, опубликовал книгу «Экономические последствия мира». В ней Кейнс объяснял, что Германия сможет расплатиться с со-

юзниками, если будет иметь возможность заработать деньги. Для этого ей нужно продавать больше товаров, чем она закупает, а ее торговые партнеры должны быть готовы к тому, что приток немецких товаров увеличится, вполне вероятно, в ущерб их собственной индустрии. Союзникам лучше умерить свои требования, поскольку это отвечает их собственным интересам. «Если Германию намерены доить, ее не следует уничтожать», — писал он. По его мнению, максимальный размер выплат, которые могла позволить себе Германия, не подрывая международную торговлю, составлял около 6 млрд долларов.

Книга сразу стала бестселлером — всего за полгода в мире было продано более 100 000 экземпляров. Она была опубликована по частям в США журналом *New Republic* и во Франции журналом *La Nouvelle Revue Française*, переведена на французский, немецкий, голландский, фламандский, датский, шведский, итальянский, испанский, румынский, русский, японский и китайский языки. Так в 36 лет Кейнс благодаря своему писательскому таланту прославился не только в Великобритании, но и во всем мире.

С детства Мейнард отличался высоким интеллектом, и его родители старались всемерно развивать способности сына. Родившийся в 1883 г. в Кембридже, он провел большую часть своей жизни в Кембриджском университете и близ него. Его отец Джон Невилл Кейнс, главный администратор Кембриджского университета, был преподавателем, философом и логиком. С ранних лет он подавал большие надежды, но оказался недостаточно честолюбив. Мейнард провел четыре года в Итоне, где не только отличался успехами в учебе, но и пользовался популярностью среди товарищей, а в 1902 г. поступил в Королевский колледж Кембриджа, чтобы изучать математику. Вскоре его приняли в избранный кружок интеллектуалов «Кембриджские апостолы», в который на тот момент входили Джордж Эдвард Мур, Бертран Рассел и Литтон Стрэчи. Для Мейнарда годы, проведенные в Кембридже, стали периодом возвышенных философских дискуссий и сложных гомосексуальных романов с товарищами по кружку. Даже Бертран Рассел, которого редко впечатляла чья-либо интеллектуальная мощь, написал, что у Кейнса был «самый острый и ясный ум», который он когда-либо знал.

Закончив колледж в 1904 г., Кейнс на некоторое время оставил университет, устроившись на работу в департамент министерства финансов по делам Индии в качестве «клерка». Сдавая экзамены на государственную службу, он оказался вторым, из-за чего его не взяли на работу в казначейство, хотя, как говорил он сам, это произошло потому, что «я явно знал об экономике больше, чем мои экзаменаторы». Проработав в департаменте по делам Индии год, он уволился. Хотя режим работы был не слишком обременительным — в будние дни он работал с 11.00

до 17.00, по субботам с 11.00 до 13.00 и имел восемь недель отпуска в год плюс выходной в день ежегодных скачек, — он считал, что недостаточно загружен работой. В числе прочего ему поручили организовать доставку десяти быков айрширской породы в Бомбей и подготовить для парламента годовой отчет «Духовные и материальные достижения Индии». Изумленный викторианской напыщенностью этого задания, он в шутку сказал Литтону Стрэчи, что планирует включить в отчет «иллюстрированное приложение, посвященное содомии». Работа в департаменте наскучила ему, и, будучи не в силах сдерживать присущее ему непочтительное отношение к авторитетам, Кейнс вернулся в Кембридж.

Хотя в университете ему почти сразу выделили лекционные часы по экономике, он остался верен своей первой любви — философии. В 1909 г. Кейнс начал работать над книгой по философским основам вероятности, которая, как он надеялся, изменит отношение философов к неопределенности. Основные идеи книги — никакое знание не является абсолютно достоверным, трудно определить разумный образ действий в условиях высокой неопределенности будущего, и поэтому лучше руководствоваться интуицией, нежели опираться на анализ, — окрашивают большую часть его экономических суждений в дальнейшем и определяют его поразительное умение зарабатывать деньги игрой на бирже.

Но, несмотря на страстное увлечение абстрактными идеями и философскими дискуссиями, Кейнс имел массу земных желаний и честолюбивых замыслов. Помимо преподавания в университете, до войны он проработал несколько лет в Королевской комиссии по индийским финансам и валюте и даже опубликовал книгу на эту тему; управлял инвестиционным портфелем колледжа; периодически публиковал статьи по финансовым вопросам в газете *Morning Post* и журнале *Economist*; стал редактором *Economic Journal*, для которого тоже писал статьи и обзоры. Кроме того, у него было множество увлечений — собрал внушительную коллекцию антикварных книг и современной живописи, играл в гольф, был страстным поклонником балета и дружил со многими выдающимися людьми. Порой казалось, что у него слишком много всевозможных интересов.

Чтобы иметь возможность заниматься всей этой разнообразной деятельностью, он еженедельно проводил пару дней в Лондоне, где жил на Брансуик-сквер, 38 вместе со своими друзьями из Блумзбери, в том числе Адрианом Стивенсом, сестрой Адриана Вирджинией и ее мужем Леонардом Вулфом — со многими из них он познакомился еще студентом Кембриджа. Но в то время как его друзья, которые вели богемный образ жизни, считали, что миру денег и власти присуще нечто порочное, он страстно желал быть его частью.

Война дала ему шанс вернуться в правительство. В воскресенье 2 августа, будучи в Кембридже, он получил письмо от своего бывшего сослуживца из министерства финансов Бэзила Блэкетта. «Я пытался связаться с вами вчера, но оказалось, что вас нет в городе. Я хотел, чтобы ваш интеллект послужил на благо нашего отечества, и подумал, что, возможно, эта работа доставит вам удовольствие. Если вы найдете время, чтобы увидаться со мной в понедельник, я буду вам весьма признателен, но боюсь, что решение придется принимать немедленно». Человек, которого он уважал, предлагал ему окунуться в гущу международных событий, — устоять перед таким предложением было невозможно. Не желая ждать очередной поезд до Лондона, он уговорил своего зятя Арчибальда Хилла¹ отвезти его в Лондон на мотоцикле. К концу дня Кейнс уже сидел в здании казначейства на Уайтхолл и составлял письмо канцлеру казначейства о том, должна ли Великобритания следом за остальной частью Европы отказаться от золотого стандарта. Через несколько месяцев он получил в казначействе должность младшего экономического консультанта.

Кейнс быстро поднимался по служебной лестнице. В начале 1917 г. он возглавил отдел внешнего финансирования, которому было поручено привлечь достаточное количество долларов, чтобы покрыть военные расходы и удержать на плаву экономику Великобритании. Возможно, это была самая серьезная задача, которая стояла перед Великобританией во время войны, и, занимаясь ее решением, Кейнс оказался одним из главных создателей экономической стратегии страны.

Он с головой окунулся в пьянящую атмосферу жизни истеблишмента, вращаясь в высших социальных и политических кругах. Премьер-министр и его супруга приглашали его на загородные уик-энды, он играл в бридж на Даунинг-стрит, 10, проводил выходные в доме канцлера казначейства, ужинал с герцогом Коннаутским и принцессой Монако. По словам известной светской дамы леди Оттолин Моррел, он был «жаден до работы, славы, влияния, власти и восхищения».

Сочетание успешности и таланта временами делало его несносным. Его друзья из Блумзбери, которые обитали в возвышенном мире искусства, литературы и идей, порой поддразнивали его новообретенными связями в высшем свете. Впрочем, они были готовы терпеть его вызывающую раздражение самоуверенность. В их глазах его грехи искупались озорным удовольствием, которое он испытывал, ниспровергая авторитеты. Никто не был защищен от его остроумных колких выпадов. Всего через несколько месяцев после того, как Кейнс начал работать в казначействе, во время собрания он сказал самому Ллойд Джорджу, канцлеру казна-

¹ Арчибальд Хилл, физиолог и член совета Тринити-Колледжа, стал лауреатом Нобелевской премии, когда ему не исполнилось и 40 лет.

чейства: «При всем моем глубочайшем уважении, если вы спросите мое мнение, я скажу, что ваш отчет никуда не годится». И все же для многих, кого он задел или оскорбил, он был просто высокомерным юнцом, который без особых оснований считал себя умнее всех на свете.

По внешнему виду трудно было догадаться о том, что он собой представляет. В его облике не было ничего примечательного — срезанный подбородок, редующие волосы, невыразительные усики, — а одежда была вполне традиционной — темные костюмы-тройки и фетровая шляпа или изредка котелок. На первый взгляд он походил на рядового обитателя Сити, добившегося скромных успехов, — страхового брокера или мелкого чиновника.

Однако за напускным высокомерием он прятал глубочайшую неуверенность в себе, в первую очередь в отношении своей внешности. «Я всегда страдал, и думаю, всегда буду страдать, от навязчивой идеи, что я настолько отвратителен физически, что мне не суждено накрыть своим телом кого-то другого», — признался он однажды своему другу Литтону Стрэчи. Но большинство из тех, с кем он был близок, в один голос утверждали, что он был непревзойденным собеседником — обаятельным, ярким и остроумным. «Жизнерадостный, эксцентричный и утонченный», он обладал «талантом забавлять и удивлять, благодаря которому беседа с людьми с быстрым и острым умом придает жизни особую прелесть», вспоминал искусствовед Клайв Белл.

Друзья Кейнса из Блумзбери в большинстве отказались от военной службы в силу своих убеждений. Когда война стала затягиваться, чудовищные потери, гибель людей, нежелание политиков идти на переговоры, которые позволили бы уладить дело мирным путем, и неуклонное ухудшение финансового положения Великобритании все больше удручали самого Кейнса. В 1917 г. он написал своей матери, что продолжение войны «может уничтожить общественный строй, который мы знали до сих пор. Впрочем, испытывая определенные сожаления, в целом я не расстроен. Скорее исчезновение богатых принесет успокоение, а сами они получат по заслугам. Куда больше меня пугает перспектива всеобщего обнищания... Я думаю с изрядной долей удовлетворения, что, поскольку наши правители столь же некомпетентны, сколь безумны и порочны, данная цивилизация практически разрушилась».

Когда война закончилась, Кейнса назначили главным представителем казначейства на Парижской мирной конференции. Хотя официально он числился заместителем канцлера казначейства в Высшем экономическом совете, председателем Союзнической группы по финансовым вопросам на переговорах о прекращении военных действий и представителем Британской империи в Финансовом комитете, вскоре он обнаружил, что его полностью отстранили от переговоров по самому важному вопросу —

о репарациях. Он был вынужден пассивно наблюдать со стороны за «кошмаром», который творился на конференции. Как он написал позднее, «за несерьезностью происходящего сквозило ощущение неминуемой катастрофы». Когда в середине мая были наконец оглашены условия договора, чувствуя усталость и отвращение, он понял, что единственный выход для него — оставить должность. Он написал Ллойд Джорджу: «Битва проиграна. Пусть Близнецы [Самнер и Канлифф] злорадствуют при виде разорения Европы».

Удивительно, что книга «Экономические последствия мира» шла нарасхват. На две трети она представляла собой подробные аргументированные возражения против репараций, часто специального характера. В ту пору и позднее при обсуждении вопроса о репарациях многих сбивало с толку то, что речь шла об огромных суммах. Цифры были слишком велики и абстрактны, что мешало многим — в том числе политикам и банкирам — оценить их, особенно в эпоху, когда мало кто представлял размер ВВП Германии и Великобритании. Кейнсу было под силу внести в дело ясность и объяснить среднему человеку, что стоит за десятками миллиардов долларов, которые были предметом постоянных обсуждений.

Трудно было поверить, что книга, пестрящая цифрами и таблицами по жилищному фонду Франции и Бельгии, структуре экспорта и импорта Германии в 1914 г., и размеру подвижного состава немецких железных дорог, может стать бестселлером. Однако осязаемость этих деталей отрезвляла и напоминала, что, несмотря на абстрактность цифр, речь шла о конкретных вещах, необходимых для поддержания определенного уровня жизни.

Отчасти своим успехом книга была обязана саркастическим портретам «большой тройки» в Париже: Клемансо, «с холодным сердцем, лишенный надежды, очень старый и усталый»; Вильсон, «с мышлением и характером скорее... теологическим, нежели интеллектуальным», с «тугим и негибким умом»; и наделенный «шестью или семью чувствами, отсутствующими у обычного человека» Ллойд Джордж, который «оценивал характер, мотив и подсознательный импульс, читал мысли других людей и знал, что каждый из них собирается сказать далее». Несколько человек (в том числе мать) уговаривали Кейнса опустить отдельные провокационные описания, в первую очередь портрет Ллойд Джорджа — «не имеющий почвы под ногами, он пуст и бессодержателен... рядом с ним ощущаешь отсутствие какой бы то ни было цели, внутреннюю безответственность, существование вне английских канонов добра и зла, замешанное на коварстве, жестокости и любви к власти».

По-видимому, воображение публики захватил очерк мировой экономики, созданный Кейнсом. Смелыми крупными мазками он описывает,

как функционировал предвоенный мир в эпоху короля Эдуарда VII, на что он опирался и какие прорехи оставила в его финансовой структуре война. Он нарисовал пророческую картину мрачного будущего, поскольку силы, которые поддерживали прежний экономический порядок, начали разрушаться. Местами напоминая ветхозаветный «Плач Иеремии», книга говорила о «цивилизации, которой угрожает опасность», о «людях, которые от голода теряли способность владеть собой, поддаваясь истерии и неистовому отчаянию». Мысли о неотвратимой гибели могут показаться современному читателю чрезмерными, но для поколения, которое только что прошло горнило ужасов бессмысленной войны, этот тон был вполне естественным.

«Экономические последствия мира» оказали огромное влияние на отношение к репарациям. Самые крупные перемены произошли в Великобритании. Еще до июня 1919 г., когда мирная конференция прервала свою работу, Ллойд Джордж начал переоценивать условия мирного договора. В последний момент он даже попытался убедить двух других лидеров смягчить условия, но Вильсон категорически отказался, заявив, что премьер-министру «прежде всего нужно быть разумным, и тогда ему не придется в последний момент прятаться в кусты». Причиной перелома в убеждениях Великобритании была не просто нечистая совесть Ллойд Джорджа. Англичане, нация лавочников, страстно желающих вернуться к предпринимательской деятельности, вновь открыли для себя экономическую значимость Германии. Министр иностранных дел лорд Керзон сказал кабинету: «Для нас Германия является самой важной страной в Европе». Однако Франция заняла непримиримую позицию по отношению к своему давнему врагу и, поскольку США больше не влияли на ситуацию в Европе, а Великобритания все больше симпатизировала Германии, в итоге оказалась в изоляции.

На протяжении четырех лет после мирной конференции, с начала 1919 г. до конца 1922 г., в Европе одна за другой проводились международные встречи, посвященные репарациям. Поскольку во Франции за этот период сменилось пять правительств, а в Германии шесть, на этих встречах был лишь один бессменный участник — британский премьер-министр Ллойд Джордж. Словно пытаясь загладить свои промахи в Париже, он с головой окунулся в процесс. В общей сложности за эти несколько лет он посетил 33 международных конференции. Подобные мероприятия часто проводились на курортах, где отдыхали любители азартных игр, и в оздоровительных центрах Европы — в Сан-Ремо в апреле 1920 г., в Булони в июне, в Висбадене в октябре 1921 г., в Каннах в январе 1922 г., и наконец, финальное шоу в Генуе в апреле 1922 г.

Однако несмотря на великолепии курортных отелей, эти встречи были весьма тягостным делом, не в последнюю очередь из-за того,

что французы весьма смутно представляли, чего же они хотят. Как сказал Пуанкаре в июне 1922 г.: «Лично я буду огорчен, если Германии придется платить, ведь тогда мы будем вынуждены освободить Рейнскую область. Что, по вашему мнению, лучше: получить деньги или присоединить к стране новые территории? Лично я предпочту репарациям завоевание земель». Или, как метко выразился Ллойд Джордж, «Франция не могла решить, хочется ли ей съесть бифштекс или доить немецкую корову».

Все давние разногласия между Великобританией и Францией, которые были забыты на 10 лет благодаря общей цели — противоборству с Германией, вновь дали о себе знать. В Великобритании воскресли стереотипы, на которых были воспитаны предыдущие поколения англичан, — французы «хвастливы, задиристы, неугомонны и чересчур обидчивы». Министр иностранных дел Керзон злился на французов, которые склонны «удовлетворять частные, как правило, денежные и зачастую низменные интересы и амбиции, пренебрегая правилами честного и законного ведения дел, что невыносимо и оскорбительно для британцев». В какой-то момент в 1922 г. конфронтация с французским премьер-министром Пуанкаре так вывела его из себя, что он разрыдался, воскликнув: «Я не могу его выносить!»

Иметь дело с Германией было не проще. До войны один американский журналист отмечал «неловкое тщеславие и чрезмерную обидчивость, из-за которых Германия приводит в отчаяние дипломатов по всему миру». Первоначальное возмущение по поводу «Версальского диктата» теперь превратилось в ощущение безысходности, горечи и обиды, что еще больше затрудняло сношения с потерпевшей поражение страной. С первой минуты в мае 1919 г., когда министр иностранных дел Германии граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау оскорбил государственных деятелей союзников в Версале, отказавшись вставать при обращении к ним, свойственная немцам надменность создавала немало проблем.

Дело было не просто в их дурных манерах. Они справедливо полагали, что чем дольше они будут затягивать переговоры о репарациях, тем меньше заплатят в конечном итоге. Вся их стратегия состояла в умышленном неисполнении обязательств, данных при ведении переговоров. За первые два года после подписания договора Германия едва наскребла средства, чтобы выплатить 2 млрд долларов из 5 млрд промежуточных платежей.

Между тем комиссия по репарациям, созданная в Париже в середине 1920-х в итоге объявила, что, по ее оценкам, сумма, которую должна выплатить Германия, составляет 33 млрд долларов. В ответ Германия потребовала принять во внимание уже выплаченные деньги и заявила, что теперь она должна союзникам только 7,5 млрд долларов, на что Ллойд

Джордж заметил, что, если обсуждение продолжится в том же духе, скоро Германия начнет требовать репараций от союзников.

В мае 1921 г. сотрудники британского казначейства разработали предложение, которое, по их мнению, было столь разумным, что Германия не могла не принять его. По их плану размер репараций равнялся 12,5 млрд долларов, примерно 100% довоенного ВВП Германии. Годовые проценты и платежи в счет погашения основной суммы долга составляли 600–800 млн долларов, чуть больше 5% годового ВВП Германии.

Предложение Великобритании было принято на конференции в Лондоне в мае 1922 г. Казалось, что согласие наконец достигнуто. Немецкая делегация во главе с министром иностранных дел Вальтером Ратенау радикально изменила свою политическую позицию. С этого времени Германия прекратит оспаривать условия договора и возьмет курс на «исполнение обязательств».

Проблема состояла в том, что на самом деле немцы никогда не верили, что они способны выполнить даже эти обязательства. Хотя теперь размер репараций был куда ближе к сумме, которую первоначально предлагали либералы вроде Кейнса, немецкие чиновники по-прежнему были убеждены, что даже 12,5 млрд будут для страны непосильным бременем. Поэтому они не предпринимали реальных усилий, чтобы выполнить условия плана, предложенного в Лондоне. Они внесли лишь один платеж. Через полгода после лондонского урегулирования они просрочили очередной платеж и вновь предстали перед комиссией по репарациям, умоляя о моратории. Из 1,2 млрд долларов, которые Германия должна была уплатить за первые полтора года, она внесла чуть более половины.

В то время как Германия упорно пыталась добиться уменьшения размера репараций, дела с ее внутренней экономической политикой, никуда не годной во время войны, обстояли еще хуже. В стране не прекращались беспорядки, она все время балансировала на грани революции, слабые коалиционные правительства не могли удержаться у власти и были не способны контролировать финансы. Помимо высоких остаточных расходов, связанных с войной, — пенсий ветеранам и вдовам, компенсаций тем, кто лишился частной собственности на территориях, утраченных по условиям Версальского договора, — правительство взяло на себя массу обязательств социального характера: восьмичасовой рабочий день для рабочих, страхование для безработных, государственные пособия для больных и бедняков. По большей части в финансовых проблемах Германии была виновата она сама. Тем не менее выплата репараций делала и без того непростую финансовую ситуацию невыносимой. Стараясь заткнуть дыры в бюджете, правительства Германии одно за другим обращались за помощью к Рейхсбанку, который печатал деньги.

В 1914 г. курс марки составлял 4,2 за доллар, т. е. марка стоила чуть менее 24 центов. В начале 1920 г. из-за инфляции, связанной с военными расходами, доллар стоил уже 65 марок, а значит, марка упала до 1,5 цента. Цены на этот момент выросли в девять раз по сравнению с уровнем 1914 г. В течение следующих полутора лет, несмотря на огромный дефицит бюджета и 50%-ное увеличение количества выпущенных в обращение денег, темпы инфляции снизились, и марка стабилизировалась. Частные биржевые дельцы из-за рубежа, считая, что падение марки прекратилось, влили в экономику страны около 2 млрд долларов. Как-никак это была Германия, которая не зря считалась до войны образцом методичности и организованности. Казалось немыслимым, что она позволит себе утонуть в пучине денежного хаоса и не сумеет восстановить порядок.

«До сих пор в истории спекуляций не было ничего подобного, — писал Мейнард Кейнс. — В процесс вовлечены все — от банкиров до горничных. Все в Европе и Америке скупают марки. Ими торгуют... на улицах столиц, их продают из-под полы помощники парикмахеров в самых захолустных городишках Испании и Южной Америки».

Однако события середины 1921 г. — негибкость французов в вопросе о репарациях и серия политических убийств, предпринятых правыми формированиями, так называемыми «эскадронами смерти», — заставили общество усомниться в том, что проблемы Германии поддаются решению. Она продолжала печатать марки. Зарубежные спекулянты, закупившие марки в предыдущие два года, избавились от них, потеряв большую часть 2 млрд долларов, вложенных в страну. В конце 1920-х гг. посетители игровых комнат в Милуоки и Чикаго видели стены, оклеенные обесценившимися немецкими деньгами и облигациями.

Поскольку курс марки резко снизился, Германия продолжала падать в пропасть. 24 июня 1922 г. инициатор курса на «исполнение обязательств», министр иностранных дел Вальтер Ратенау, одна из самых привлекательных политических фигур в Германии — богатый, образованный потомок известной семьи промышленников, — был застрелен в своей машине членами одной из реакционных группировок. Началась паника. В течение 1922 г. цены поднялись в 40 раз, а курс марки упал со 190 до 7600 за доллар.

В начале 1923 г., когда Германия опоздала с внесением средств в счет погашения суммы репараций за год, ситуацию усугубила история с сотней тысяч телефонных столбов, которые не были поставлены Франции. В итоге французские и бельгийские войска численностью 40 000 человек вторглись на территорию Германии и захватили Рурскую долину, основной промышленный регион страны. Рейхсканцлер Вильгельм Куно, отчаявшись найти другой способ, развернул кампанию пассивного сопро-

тивления. Дефицит бюджета вырос почти в два раза и достиг 1,5 млн долларов. Чтобы заткнуть эту дыру, приходилось печатать все больше марок, которые продолжали обесцениваться. В 1922 г. было дополнительно выпущено в обращение около триллиона марок, а за первые шесть месяцев 1923 г. — 17 трлн марок.

Как писал один наблюдатель: «За всю историю ни одна собака не бежала за собственным хвостом быстрее Рейхсбанка. Недоверие к бумажным немецким деньгам росло стремительнее, чем поступали в обращение новые суммы. Следствие обгоняло причину. Хвост двигается быстрее собаки».

Задача обеспечения страны нужным количеством денег превратилась в крупную логистическую операцию, в которой были задействованы «133 типографии с 1783 печатными станками... и более 30 бумажных фабрик». В 1923 г. инфляция продолжала набирать силу, порождая жажду денег, которую Рейхсбанк не мог утолить даже после привлечения частных типографий. В стране, которая и без того захлебывалась бумажными деньгами, раздавались жалобы на нехватку денег в муниципальных образованиях, и в результате города и частные компании тоже стали печатать банкноты.

За несколько следующих месяцев в Германии произошло самое крупное обесценивание денег за всю историю человечества. В августе 1923 г. доллар стоил 620 000 марок, а к началу ноября 1923 г. — 630 млрд¹.

Цены на предметы первой необходимости исчислялись миллиардами: килограмм масла стоил 250 млрд, килограмм бекона — 180 млрд, проезд на берлинском трамвае, который до войны стоил 1 марку, теперь обходился в 15 млрд. Несмотря на то, что номинал банкнот достигал 100 млрд марок, чтобы расплатиться за любой пустяк, требовались целые охапки денег. Страну затопили бумажные деньги — их носили в сумках, бельевых и продуктовых корзинах, возили в тележках и даже детских колясках.

Речь шла не только об огромных цифрах. Головокружительной была скорость, с которой росли цены. За последние три недели октября они подскочили в 10 000 раз, удваиваясь каждые несколько дней. Пока вы пили чашку кофе в одном из многочисленных берлинских кафе, цены

¹ Можно привести и другие примеры жестокой инфляции. Еще хуже была ситуация в Венгрии в 1945–1946 гг. Инфляция в Зимбабве достигла уровня, описанного в этой книге, — 31 июля 2008 г., по сообщениям *Financial Times*, обменный курс зимбабвийского доллара достиг 500 млрд за доллар США. Но экономики Венгрии в 1945 г. и Зимбабве в 2008 г. были крохотными по сравнению с Германией, которая в 1920-е гг. была третьей по величине экономикой в мире.

могли удвоиться. Деньги, полученные в начале недели, к концу ее теряли 0,9 своей покупательной способности.

Говорить о цене на что-либо стало бессмысленно, поскольку цифры менялись на глазах. Материальная сторона жизни превратилась в гонку. Рабочим, которым в свое время платили еженедельно, теперь выдавали зарплату ежедневно, вручая пухлые пачки банкнот. Каждое утро огромные грузовики с бельевыми корзинами, наполненными деньгами, выезжали из типографий Рейхсбанка и ехали с одного завода на другой, где кто-нибудь, вскарабкавшись наверх, швырял огромные пачки денег вниз, утрюмой толпе рабочих, которым потом давалось полчаса, чтобы сбегать в магазин и отоварить деньги, пока те не обесценились окончательно. Люди хватали все, что попадалось под руку, чтобы при случае обменять на предметы первой необходимости на одном из блошинных рынков, которые теперь появились на каждом углу.

Необходимость вычислять и пересчитывать цены в миллиардах и триллионах сделала любые коммерческие расчеты практически невозможными. Немецкие врачи даже открыли новое странное расстройство, которое они назвали «цифровой удар». Страдающие от него оставались внешне нормальными за исключением, как писала газета *New York Times*, «непреодолимого желания писать бесконечные ряды цифр и заниматься вычислениями, более сложными, чем самые запутанные логарифмические задачи». Абсолютно здравомыслящие люди заявляли, что их возраст составляет 10 млрд лет или что у них 40 трлн детей. Чаше других этим расстройством страдали кассиры, бухгалтеры и банкиры. Большинство людей просто перешли к меновой торговле или начали использовать иностранную валюту. Любая домашняя хозяйка, принадлежащая к среднему классу, отлично знала обменный курс марки к доллару за последний час. На каждом углу, в магазинах, и табачных лавках, и даже в жилых кварталах возникали крохотные бюро обмена, которые вывешивали снаружи информационные доски с последним обменным курсом.

Поскольку марка падала быстрее, чем поднимались цены, иностранцы могли позволить себе жить на широкую ногу. Квартиру в Берлине, которая до войны стоила 10 000 долларов, можно было купить всего за 500 долларов. Американский литературовед Малкольм Каули, который в то время жил в Париже и приехал в Берлин навестить своего друга журналиста Мэтью Джозефсона, писал: «При зарплате 100 долларов в месяц Джозефсон жил в двухэтажных апартаментах с двумя служанками, его жена брала уроки верховой езды, обедали они в самых дорогих ресторанах, давая чаевые оркестрантам. При этом он коллекционировал картины и занимался благотворительностью, помогая нуждающимся немецким писателям, — и все же быть счастливым в этом безумии было невозможно». За сотню долларов житель Техаса снял на вечер всю

Берлинскую филармонию. Контраст между расточительством иностранцев — среди них было много французов и англичан, а также поляки, чехи и швейцарцы — и тяготами повседневной жизни среднего немца, который пытался свести концы с концами, еще больше усиливал недовольство Версальским договором.

Инфляция повлияла на классовую структуру немецкого общества сильнее, чем любая революция. Богатые промышленники жили припеваючи. Они владели реальными активами — заводами, землей, товарами, которые резко поднялись в цене, а их долги уничтожила инфляция. Рабочие, особенно объединенные в профсоюзы, тоже, как ни странно, процветали. До 1922 г. их зарплата не отставала от инфляции, а рабочих мест было предостаточно. Лишь на последних этапах, в конце 1922 — начале 1923 г., когда кризис доверия привел к сбоям в денежной системе и экономика вернулась к меновой торговле, они оказались без работы.

Больше всех пострадали те, кто был спинным хребтом Германии, — гражданские служащие, врачи, учителя и преподаватели университетов. Государственные облигации и банковские депозиты, в которые они всю жизнь методично и предусмотрительно вкладывали свои сбережения, внезапно обесценились. Получая скудную пенсию или жалованье, на 0,9 съеденные инфляцией, нередко они были вынуждены расстаться с последними крупными собственными достоинствами. Бывшие чиновники становились банковскими служащими, семьи среднего класса сдавали комнаты жильцам, университетские преподаватели просили подаяния на улицах, а юные барышни из уважаемых семей становились проститутками.

Сложившаяся ситуация была на руку спекулянтам. Скупая по бросовым ценам дома, драгоценности, картины, мебель у семей среднего класса, которые остро нуждались в деньгах, монополизировав рынок товаров, которые были в дефиците, наживаясь на импортированных товарах и дальнейшем разрушении валюты, они обогатились сверх всяких ожиданий.

Традиционные ценности, которые обеспечивали стабильность немецкого общества и упорядочивали его структуру, были забыты. Стефан Цвейг, пытаясь отразить дух времени в своей автобиографии, писал: «Что за дикое, анархическое, невероятное время — те годы, когда в Австрии и Германии вместе с убывающей ценностью денег стали шаткими все прочие ценности! Эпоха вдохновенного экстаза и дикого надувательства, беспрецедентная смесь нетерпения и фанатизма. Все, что было экстравагантно и загадочно, переживало золотые времена»¹.

¹ С. Цвейг «Вчерашний мир. Воспоминания европейца», перевод Г. Кагана.

Главным виновником непрекращающейся инфляции был не кто иной, как Рудольф фон Хавенштайн, благоразумный и преданный делу президент Рейхсбанка, под надзором которого финансирование военных нужд Германии привело к столь плачевным результатам. Когда война закончилась катастрофой, фон Хавенштайн не сомневался, что лишится должности. Прусский чиновник, которого отождествляли с административным аппаратом империи, он не скрывал неприязни к новому правительству социал-демократов. Тем не менее во время революции 1918 г. он приложил немало сил, чтобы наладить отношения с новой властью, и даже позволил создать в Рейхсбанке совет рабочих и солдат. Кроме того, в те дни бесчинств и неразберихи он использовал отряд революционных матросов для охраны золотых резервов Рейхсбанка, давая понять, что сокровища нации охраняет «народ». Однако, по слухам, он тайно снабдил сейфы подрывными минами-ловушками с ядовитым газом.

Сохранив за собой должность, фон Хавенштайн как всякий исполнительный чиновник оказался перед сложной дилеммой. Теперь он работал на правительство, к которому не питал особой симпатии. Он не верил в социальную программу этого правительства и считал, что для Германии она является недопустимой роскошью. Хуже всего было то, что правительство решило сделать все возможное, чтобы выполнить платежные требования союзников, взяв курс на «исполнение обязательств». Но, несмотря на принципиальные разногласия с правительством, фон Хавенштайн пошел у него на поводу и позволил Рейхсбанку печатать деньги, которые позволяли покрыть дефицит бюджета.

Почему фон Хавенштайн покорился без каких-либо попыток сопротивления? Анализируя его поведение, можно сделать два противоречащих друг другу предположения: либо он сознательно спланировал рост денежной массы, чтобы разрушить финансовую систему Германии и доказать, что выплата репараций невозможна, либо был абсолютно невежествен в экономике. Юрист по образованию, он изучал банковское дело в эпоху золотого стандарта, когда кредитно-денежная политика требовала обеспечить конвертируемость рейхсмарки, привязанной к фиксированному золотому эквиваленту, и был совершенно обескуражен, когда мир перестал держать равнение на золото.

По-видимому, реальность была сложнее, чем обе предложенные версии. Фон Хавенштайн оказался в весьма затруднительном положении. Если бы он отказался печатать деньги, необходимые для покрытия бюджетного дефицита, это могло бы привести к резкому повышению ставок процента, поскольку правительство хваталось за любую возможность взять денег взаймы. Он боялся, что это вызвало бы массовую безработицу, а значит, политический и экономический кризис в стране, что могло стать для ослабшей Германии катастрофой. Как сказал знаменитый

гамбургский банкир Макс Варбург, член совета директоров Рейхсбанка: «Мы оказались перед выбором — остановить инфляцию и положить начало революции или продолжать печатать деньги». Верный слуга государства, фон Хавенштайн не желал уничтожать остатки старого порядка.

Если бы он пошел против правительства и заставил его поднять налоги или урезать внутренние расходы, его стали бы обвинять — в первую очередь его друзья-националисты правого толка — в том, что он стал орудием в руках кровопийц-союзников, которые с самого начала твердили, что Германия сможет выплатить репарации, только если урежет внутренние расходы и поднимет налоги. В итоге оказалось бы, что фон Хавенштайн действует на руку врагам своей страны, а мысль о том, что он станет их пособником, была для него невыносимой.

Принимая во внимание все эти противоречивые соображения, фон Хавенштайн решил попытаться выиграть время, снабжая правительство требуемым количеством денег. Вопреки распространенному мифу, он прекрасно понимал, что печатание денег для покрытия дефицита бюджета приведет к инфляции. Но он надеялся, что она будет умеренной, а тем временем союзники снизят свои требования или по крайней мере согласятся на отсрочку по текущим платежам, дав Германии передышку.

Но он просчитался. Фон Хавенштайн не желал признавать, что экспериментировать с валютой — все равно что ходить по лезвию ножа. Умеренная инфляция не может оставаться умеренной долго. В какой-то момент люди перестают верить, что власти способны контролировать ценность денег, и страну охватывает паника. В Германии перелом произошел в середине 1921 г.

Вместо того чтобы признать ужасную ошибку, фон Хавенштайн с его по-прусски гипертрофированным чувством долга заупрямился и продолжал печатать столько денег, сколько было «нужно» правительству. Поначалу инфляция была выгодна частному бизнесу, поскольку позволяла предпринимателям избавиться от долгов. Однако в 1923 г. кризис перешел в новую фазу, и в отсутствие нормально функционирующей валюты торговля стала невозможной. Чтобы поддерживать видимость платежеспособности, фон Хавенштайн начал перекачивать деньги Рейхсбанка напрямую в частные компании. Он утверждал, что, если бы не репарации, в Германии не было бы инфляции, тем самым перекадывая вину за происходящее на алчных иностранцев. Он доказывал, что инфляция не имеет к нему ни малейшего отношения, что он лишь пассивно наблюдал за процессом, стремясь обеспечить достаточное количество денег, чтобы смазать колеса коммерции, и что, если бизнес потребует еще триллион марок, его обязанность — позаботиться о том, чтобы эти деньги были напечатаны и пущены в обращение.

17 августа 1923 г. Хавенштайн представил годовой отчет об экономическом положении в государственный совет:

«Сегодня Рейхсбанк выпускает 20 000 млрд марок в день, из них 5000 млрд крупными купюрами. На следующей неделе банк увеличит количество выпускаемых денег до 46 000 млрд ежедневно, из них 18 000 крупными купюрами. В настоящее время совокупное количество выпускаемых денег составляет 63 000 млрд. Следовательно, через несколько дней банк сможет выпускать ежедневно две трети совокупного объема, поступающего в обращение».

И это говорил президент Рейхсбанка, основной обязанностью которого считалось поддержание стоимости валюты. С какой гордостью Хавенштайн сообщает группе парламентариев, что теперь он имеет возможность увеличить объем выпускаемой денежной массы более чем на 60% в день и затопить страну еще большим количеством бумаги. Для многих это было еще одной приметой того, что фантазмагория в финансовой сфере Германии была почище «Алисы в Стране чудес».

«Никто не ожидал столь гениального разоблачения предельной глупости, которую порождают невежество и ложная теория... Безумные идеи, вдохновляющие Рейхсбанк, не оставили шанса для стабилизации», — писал посол Великобритании лорд Д'Абернон, специалист по государственным банкротствам, который ранее думал, что самые дикие финансовые эксцессы имели место во времена египетских хедивов и Османской империи, но теперь обнаружил, что по сравнению с Германией 1923 г. они были почти Швейцарией. «Кажется почти невыносимым надеяться на возрождение страны, где происходят подобные вещи. И, разумеется, бесполезно рассчитывать на него, если не отобрать власть у безумцев, которые контролируют ситуацию сейчас».

Когда война закончилась, Ялмар Шахт был всего лишь банкиром, добившимся скромных успехов, не слишком выдающимся и не особенно состоятельным. Именно возможности, которые открыла инфляция, делают его могущественным и богатым. Разумеется, сам он не занимался спекуляциями — выросший в бедности, Шахт был чрезвычайно осторожен и никогда не рисковал собственными сбережениями. Однако он был удачлив.

В 1918 г. Шахт взял на работу в Nationalbank 36-летнего биржевого маклера Якоба Гольдшмидта. Талантливый, образованный и обаятельный Гольдшмидт, непохожий на берлинских банкиров, консервативных традиционалистов, был миллионером. Он сколотил состояние, создав фирму, которая весьма успешно занималась торговлей на фондовой бирже. Поступив на работу в Nationalbank, Гольдшмидт начал играть на бирже

по-крупному, используя банковский капитал. С помощью хорошо продуманной серии слияний он превратил банк, который теперь назывался Danatbank, в третий по величине банковский конгломерат в Германии. В 1923 г. Шахт внезапно оказался в среде банковского истеблишмента Берлина.

Летом 1923 г. он стоял у окна своего кабинета, разглядывая происходящее внизу. Большинство берлинских банков размещались на Беренштрассе в мрачных серых зданиях с толстыми стенами, облицованными рустованным камнем, и массивными колоннами, однако Danatbank выбрал для своей штаб-квартиры прелестное здание из красного песчаника, окна которого выходили на тихую площадь на берегу реки Шпрее. Из кабинета Шахта открывался великолепный вид на площадь, где была установлена небольшая бронзовая статуя Карла Фридриха Шинкеля, архитектора, по проектам которого была выстроена значительная часть Берлина. Эта на удивление безмятежная картина имела мало общего с лихорадочным возбуждением, охватившим остальную часть города.

На востоке за рекой, о том, что произошло с Германией, напоминал берлинский городской дворец, который почти пять веков был резиденцией династии Гогенцоллернов. Огромный дворец, в котором было более 1200 комнат, заметный издали, теперь стоял пустой, его убранство было разграблено, балконные перила обрушились, фигуры, украшавшие фасад, осыпались в результате артобстрелов во время революции 1918 г.

Отношение Шахта к республиканской Германии становилось все более неоднозначным. Он не испытывал тоски по прошлому и не сожалел о падении империи с ее «старомодным прусским милитаризмом», который стремился установить «незыблемый порядок в обществе». Но будучи националистом до мозга костей, он вспоминал те довоенные времена, когда в Германии царил образцовый порядок, а сама она была одной из самых мощных экономических держав Европы. Он считал, что теперь страна занимается саморазрушением. Республика предала образованный средний класс, который в свое время был силой Германии. Его отечество превратилось в преисподнюю.

Хотя теперь у него были деньги и должность, которых он так долго добивался, Шахт чувствовал себя подавленным. В Danatbank более успешный Гольдшмидт отеснил его на второй план. Статьи, которые Шахт писал для *Berliner Tageblatt* и *Vossische Zeitung*, принесли ему известность как специалисту по репарациям, который доказывал, что Германия не может и не должна платить более 200 млн долларов в год, а значит, общий объем репараций не должен превышать 4 млрд долларов, треть суммы, о которой шла речь в Лондоне в 1921 г. Однако в то время подобные цифры были абсолютно неприемлемы для Франции. Шахт пытался разом убить двух зайцев. Заняв жесткую позицию в отношении суммы репара-

ций, посильной для Германии, он пытался склонить правительство подойти к делу более трезво: начать переговоры с французами, отказаться от порочной политики пассивного сопротивления в Руре и прекратить печатать деньги.

Если бы Шахт был честен с самим собой, ему пришлось бы признать, что ему повезло, что он не принимал непосредственного участия в решении вопроса о репарациях. За последние три года в условиях нарастающего экономического хаоса этот вопрос превратился в проблему, которую не мог разрешить ни один немецкий политик или чиновник.